

A dark, atmospheric photograph of a stone-walled catacomb. The walls are made of rough, textured stone. A large, arched doorway is the central focus, with a heavy, rusted metal door partially open. The door has a small, rectangular window and a handle. The interior of the doorway is dark, leading to a series of smaller, arched openings that recede into the distance. The floor is covered in dirt and debris. The overall mood is mysterious and foreboding.

**ТАЙНА
ЗАБЫТЫХ КАТАКОМБ**

Артика Ульф

Тайна забытых катакомб

«Автор»

2026

Ульф А.

Тайна забытых катакомб / А. Ульф — «Автор», 2026

КОД "стая"-хроники разлома, где биология становится полем битвы, а герой рождается в ярости и боли. Мир, где ложь корпораций и древнее проклятие переплетаются в бетонных катакомбах, а каждый шаг - борьба за право остаться человеком. Безумец ищет идеальную матрицу. Зверь ищет свободу. Вот только кто в этой охоте - охотник?

© Ульф А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	6
Часть первая	6
Открытие	6
Катакомбы	9
Часть вторая	17
Лаборатория	17
Пленница	19
Тайна профессора	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Артика Ульф

Тайна забытых катакомб

Ученые обнаружили нейронную связь между префронтальной корой головного мозга и стволom головного мозга, которая блокирует инстинктивное поведение у мышей.

Такие инстинкты, как страх или сексуальное желание, важны для выживания человека. Но в современной жизни, находясь в социуме, люди вынуждены контролировать свои природные инстинкты, блокируя их, когда это необходимо.

Предыдущие исследования показали, что областью мозга, отвечающей за инстинкты у человека, является мозговой ствол.

Ученые считают, что социальное поведение человека, как и у мышей, также контролируется этой нейронной связью. По словам исследователей, результаты их работы помогут в лечении шизофрении, депрессии и других психических расстройств, связанных с работой префронтальной коры головного мозга

Глава первая

Часть первая

Открытие

Михаил шагал уверенно, его крепкая фигура и широкие плечи выдавали в нем спортсмена. Он всегда был активным – занимался футболом, бегом, ходил в тренажёрный. Его друг Леонид, напротив, был худощавым и немного сутулым, с вечно усталым взглядом. Он едва поспевал за Михаилом, тяжело дыша и жалуясь на усталость.

– Ну сколько еще идти? – проворчал Леонид, поправляя очки. – У меня уже ноги болят.

– Ты же сам хотел приключений, – усмехнулся Михаил, оборачиваясь. – А тут целый завод, полный тайн. Разве это не круто?

– Приключения – это одно, а вот ходить по заброшенным зданиям в полной темноте – совсем другое, – возразил Леонид, но в его голосе чувствовалась слабая надежда, что Михаил все же передумает.

Михаил только посмеялся. Он знал, что Леонид всегда был трусоват и ленив, но именно это делало их дружбу такой интересной. Михаил любил подталкивать друга к новым впечатлениям, а Леонид, хоть и ворчал, всегда следовал за ним.

Завод, некогда бывший гордостью города, теперь стоял в руинах, как тень былого величия. Его некогда мощные стены, покрытые слоями пыли и копоти, теперь были увенчаны трещинами, словно морщинами на лице старика. Граффити, яркие и хаотичные, словно шрамы, украшали поверхность, рассказывая истории тех, кто приходил сюда в поисках забвения или вдохновения. Каждый рисунок, каждая надпись казались криком в пустоту, попыткой оставить след в этом забытом месте.

Окна, когда-то пропускавшие свет в цеха, теперь зияли черными провалами. Стекла, разбитые и осыпавшиеся, лежали на земле, сверкая осколками под редкими лучами солнца. Входные металлические ворота, некогда внушавшие уважение, теперь едва держались на ржавых петлях. Их тяжелые створки, покрытые рыжими пятнами коррозии, скрипели на ветру, словно стонали от боли. Казалось, еще одно дуновение – и они рухнут, окончательно похоронив под собой остатки былой мощи.

Внутри царил тишина, прерываемая лишь редким шорохом ветра, пробивавшегося сквозь щели. Воздух был тяжелым, пропитанным запахом старого металла, пыли и сырости. Остатки оборудования, покрытые толстым слоем ржавчины, стояли как немые свидетели прошлого. Конвейеры, некогда гудящие от работы, теперь замерли, их ленты порваны и свисают, как лохмотья. Стены цехов, когда-то белые и чистые, теперь почернели от времени и копоти, а кое-где обвалились, обнажая арматуру.

Каждый уголок завода дышал забвением. Каждый кирпич, каждый осколок стекла, каждый ржавый болт – всё это было частью огромной мозаики упадка. Казалось, само время оста-

новилося здесь, оставив лишь эхо былой жизни, которое тихо звенело в пустоте. Этот завод, когда-то символ прогресса и труда, теперь стал памятником тленности всего сущего, напоминающая о том, что даже самое великое рано или поздно превращается в пыль. Михаил толкнул калитку, и она с скрипом открылась, пропуская их внутрь.

– Ну что, готов к открытиям? – спросил Михаил, бросая другу шkodный взгляд.

– Только если они не включают в себя призраков, – пошутил Леонид, но в его голосе чувствовалось напряжение.

Они начали исследовать здание, пробираясь через завалы и мусор. Вскоре они наткнулись на дверь, частично скрытую под обломками. Михаил, не раздумывая, начал расчищать проход.

– Поможешь? – спросил он, поднимая тяжелый кусок бетона.

Леонид колебался, но в конце концов кивнул. Они вместе, приложив усилия, отодвинули завал из обломков кирпичей и ржавых металлических деталей, которые преграждали путь. Дверь, давно не открывавшаяся, с громким скрипом подалась, словно неохотно впуская незваных гостей в свои тайны. Перед ними открылась комната, погруженная в полумрак и тишину, нарушаемую лишь редким шорохом чего-то невидимого в углах.

Воздух здесь был густым, пропитанным запахом старой пыли, сырости и чего-то затхлого, словно время само осело здесь тяжелым покрывалом. Стены, когда-то, вероятно, белые или светло-серые, теперь были покрыты слоем серой пыли, сквозь которую проступали трещины и пятна плесени. Паутина, словно тонкая вуаль, свисала с потолка, колышась от малейшего движения воздуха. Ее нити, переплетенные в причудливые узоры, казались ловушками для света, который едва пробивался сквозь разбитые окна.

В центре комнаты возвышалась массивная металлическая клетка. Ее прутья, покрытые ржавчиной, уходили вверх, теряясь в полумраке. Клетка казалась неестественно большой, словно предназначенной для чего-то гораздо большего, чем человек. На полу внутри нее лежали обрывки чего-то, напоминающего ткань, а рядом – несколько костей, сухих и желтых от времени. Казалось, что это место хранило в себе какую-то мрачную тайну, которую оно не спешило раскрывать.

На столе у стены, покрытом толстым слоем пыли, лежали разбитые очки. Их стекла были треснуты, а оправа погнута, словно их бросили в спешке или в порыве ярости. Рядом с ними лежал белый халат, когда-то, вероятно, белоснежный, а теперь серый и ислевший. Его рукава свисали со стола, а на груди виднелись темные пятна, происхождение которых не хотелось угадывать. Халат казался призраком, напоминанием о тех, кто когда-то работал здесь, о людях, чьи судьбы канули в лету.

Пол комнаты был усыпан осколками стекла, обломками дерева и кусками непонятного мусора. Каждый шаг отзывался глухим эхом, словно сама комната предупреждала: "Не тревожьте прошлое". В углу стоял шкаф с полуоткрытыми дверцами, из которого торчали какие-то бумаги, пожелтевшие и ислевшие от времени. На одной из стен висела карта или схема, но рассмотреть что-либо на ней было уже невозможно – время стерло все линии и надписи, оставив лишь бледные следы чернил.

Комната дышала забвением и тайной. Казалось, что каждый предмет здесь хранил свою историю, но ни один из них не спешил ее рассказать. Это было место, где время остановилось, оставив лишь следы того, что когда-то было важным, а теперь превратилось в пыль и воспоминания.

– Что за черт... – прошептал Леонид, оглядываясь.

Михаил подошел к столу и поднял один из листков. Это были записи, написанные от руки. Он начал читать вслух:

«День 14: Пациент проявляет признаки агрессии. Трансформация происходит быстрее, чем ожидалось...»

Леонид подошел ближе, и они обменялись взглядами. Оба понимали, что наткнулись на что-то большее, чем просто заброшенный завод.

Михаил и Леонид сели на пол, разложив перед собой документы. Записи принадлежали профессору Николаю Иванову, ученому, который, судя по всему, проводил здесь эксперименты. Они узнали, что пациент, упомянутый в записях, был укушен волком и начал превращаться в нечто... другое.

Среди бумаг попадались странные рисунки, сделанные от руки: схематичные изображения волков, стоящих на задних лапах, какие-то руны, выведенные дрожащей рукой, и грубые наброски пещеры с алтарём. Один из листов привлек особое внимание Михаила – на нём была зарисована часть стены с древними символами, а рядом приписка красными чернилами: «Те же знаки, что и внизу. Это не совпадение. Они были здесь задолго до нас».

– Оборотень? – прошептал Леонид, не веря своим глазам.

– Похоже на то, – ответил Михаил, продолжая читать. – Профессор пытался его лечить, но что-то пошло не так.

Они узнали, что пациент сбежал, убив нескольких сотрудников лаборатории. Профессор, чувствуя свою ответственность, решил поймать его и продолжить исследования. В одной из записей говорилось:

«День 54: Конструкция для пленения и удерживания оборотня готова. Но я чувствую, что теряю контроль над ситуацией...»

Михаил почувствовал, как пробежали мурашки по спине. Он посмотрел на клетку в центре комнаты и представил, что могло быть внутри.

– Мы должны уйти, – сказал Леонид, вставая. – Это место опасно.

– Подожди, – остановил его Михаил. – Мы уже здесь. Давай хотя бы посмотрим, что еще можно найти.

Леонид колебался, но в конце концов кивнул. Они продолжили исследовать комнату, пока не наткнулись на план катакомб под заводом.

Катакомбы

Михаил и Леонид стояли перед скрытой дверью, которая словно была вырезана из самой тьмы. Ее поверхность, покрытая слоями вековой пыли и паутины, казалась живой, будто дышала тишиной и тайной. Дверь была массивной, вырезанной из черного дерева, испещренной загадочными символами, которые, казалось, шептали древние заклинания. Ржавые железные скобы, вросшие в древесину, напоминали когти какого-то чудовища, вцепившегося в свою добычу.

Леонид нервно тербил край своей потертой куртки, его худое лицо, освещенное тусклым светом фонаря, было бледным, как у призрака. Его пальцы дрожали, а взгляд то и дело скользил по темным углам, словно он ожидал, что из них вот-вот выплывут тени прошлого.

Скрытый вход в катакомбы манил и пугал одновременно. Он был словно портал в иной мир, где время остановилось, а воздух был наполнен тяжестью веков. Узкая щель между дверью и каменным порогом источала сырой, затхлый запах, смешанный с чем-то металлическим, словно кровь, пропитавшая камни.

Стены вокруг двери были покрыты мхом, который, казалось, пульсировал в такт с тихим, едва уловимым гулом, доносящимся из глубин. Этот звук был похож на шепот, на зов, который невозможно игнорировать. Он вползал в сознание, как змея, обвивая разум и заставляя сердце биться чаще.

Михаил, напротив, стоял неподвижно, его взгляд был устремлен на дверь с холодным любопытством. Он чувствовал, как катакомбы зовут его, словно морские sireны, привлекавшие моряков на верную гибель. Этот вход был не просто дверью – он был обещанием тайны, опасности и, возможно, славы.

Но чем дольше они стояли, тем сильнее ощущалось, что катакомбы не просто манят – они наблюдают. Каждый камень, каждый изгиб стены, каждый шорох в темноте казался частью чего-то большего, живого и древнего. И дверь, эта черная, безмолвная грань между мирами, была лишь началом.

– Может, хватит? – прошептал Леонид, нервно оглядываясь. – Мы уже далеко зашли. Давай вернемся, пока не поздно.

– Трусишь? – подразнил его Михаил, но в его голосе не было злобы. Он знал, что Леонид всегда был осторожным, и это иногда спасало их от неприятностей.

– Нет, просто... – Леонид замолчал, услышав странный шорох позади. – Ты это слышал?

Михаил остановился и прислушался. В темноте раздался звук, похожий на шаги. Они обменялись взглядами, и в этот момент дверь за ними с грохотом закрылась.

Ребята устремились к двери, через которую попали внутрь.

– Отлично, – проворчал Леонид, дергая ручку. – Теперь мы заперты.

Михаил попытался открыть дверь, но она не поддавалась. Он попытался выбить её, толкая плечом и пиная её ногой с разбега, все сильнее и сильнее, как внезапно они услышали гулкий треск, словно где-то рядом обрушилась стена. Пыль посыпалась с потолка, а пол под ногами затрясся.

– Бежим! – крикнул Михаил, хватая Леонида за руку.

Они бросились вперед, но через несколько метров коридор разделился. Михаил свернул направо, а Леонид, споткнувшись, упал на пол. В этот момент между ними обрушилась часть потолка, завалив проход камнями и обломками.

Леонид с минуту сидел на холодном каменном полу, пытаясь отдышаться. Пыль всё ещё стояла в воздухе, разъедая глаза и горло. Он кашлянул, прижимая ладонь к лицу, и прислушался. Где-то слева, сквозь толщу завала, донёсся приглушённый голос Михаила, но слова тонули в грохоте осыпающихся мелких камешков.

– Я здесь! – крикнул Леонид в ответ, надеясь, что друг его услышит. Ответа не последовало.

Он поднялся на ноги, пошатываясь, и вытянул руку вперёд. Коридор уходил во мрак, и лишь слабый отсвет от щели в завале позволял разглядеть контуры стен. Леонид сделал несколько неуверенных шагов, прислушиваясь к собственному дыханию. Нужно было двигаться. Михаил наверняка уже ищет путь, нельзя сидеть сложа руки.

Он пошёл вперёд, шаркая ногами, чтобы не споткнуться о невидимые в темноте камни. Стены коридора становились всё уже, а воздух – тяжелее. Где-то сверху мерно капала вода, отсчитывая секунды. Леонид остановился, пытаясь унять дрожь в коленях, и вдруг нога его наткнулась на что-то мягкое.

Он наклонился и нащупал кожаную сумку, наполовину присыпанную землёй и мелкой крошкой. Ремешок был порван, словно её сдёрнули с плеча в спешке. Леонид поднял находку и, повинаясь какому-то наитию, сунул внутрь руку. Пальцы коснулись холодной гладкой поверхности фонарика. Он щёлкнул выключателем, и узкий луч света разрезал темноту.

Стало немного спокойнее. Леонид осмотрел содержимое сумки: пара истлевших тряпиц, ржавый нож без рукояти и плотный свёрток пожелтевшей бумаги, перетянутый бечёвкой. Он развязал узелок дрожащими пальцами и развернул листы.

Это была карта. Старая, вычерченная от руки, с пометками на полях, которые расплылись от времени. Леонид повернул её к свету и ахнул: перед ним была подробная схема всех этих коридоров, переходов и залов. Вот место, где они разминулись с Михаилом, – Леонид ткнул пальцем в крестик возле развилки. А вот и большой зал с выходом, а вот и место пересечения двух коридоров...

Освещая путь фонариком, Леонид заметил, что в некоторых местах стены коридора отличаются от основной кладки. Грубый камень, явно обработанный вручную много веков назад, был покрыт едва различимыми изображениями – стёртые фигуры людей с волчьими головами вели хоровод вокруг чего-то, похожего на костёр или жертвенник.

– Ничего себе художества. Древние тут тоже тусовались.

Сердце забилось чаще, но времени на исследование не было – нужно было искать выход. Он бережно расправил карту, и, освещая себе путь фонариком, зашагал быстрее, периодически выкрикивая робкое – “ау” сверяя каждый поворот с найденной схемой.

Михаил припал ухом к завалу, пытаясь уловить хоть какой-то звук. Тишина. Лишь изредка осыпалась каменная крошка где-то в глубине груды обломков. Он резко выпрямился и, сложив ладони рупором, крикнул в сторону чёрного зева коридора, уходящего вправо:

– Леонид! Ты меня слышишь?

Гулкое эхо заметалось по стенам, искажая голос, превращая его в чей-то чужой, испуганный шёпот. Михаил ждал. Секунды тянулись невыносимо долго. Он уже хотел крикнуть снова, как вдруг откуда-то издалека, словно из-под толщи земли, донёсся слабый, приглушённый звук.

– Ау!..

Сердце Михаила подпрыгнуло. Жив! Он узнал этот голос. Михаил рванул вперёд, забыв про осторожность. Луч его фонаря прыгал по стенам, выхватывая из темноты грубо отёсанные камни и паутину.

– Леонид! – снова закричал он, почти не сбавляя шага. – Иди на голос!

– Ау! – ответ прозвучал чуть громче, но всё ещё был таким далёким, будто Леонид находился в соседнем мире.

Михаил бежал, спотыкаясь о выбоины в полу, и продолжал кричать. Он кричал имя друга, как заклинание, как единственную нить, связывающую их в этом каменном лабиринте. И с каждым его криком ответное «ау» становилось всё отчётливее, всё ближе. Сначала это был просто намёк на звук, потом – робкий отклик, а затем уже вполне различимый голос, в котором слышались нотки облегчения.

– Я здесь! Я иду! – голос Леонида звучал уже совсем рядом, за очередным поворотом.

Михаил свернул и замер. В мгле, он увидел фонарик Леонида. Тот стоял по другую сторону ещё одного завала, который, к счастью, не был сплошной стеной, а представлял собой груды камней высотой до потолка, но со сквозными пустотами, размером с кулак. Между ними оставалось всего несколько метров, разделённых этой преградой.

– Лёня! – Михаил бросился к обломкам и начал лихорадочно хвататься за камни, пытаясь сдвинуть самый верхний.

– Стой! – крикнул Леонид, но Михаил уже не слушал. Он напряг все силы, камень даже не шелохнулся. Тогда он попробовал другой, поменьше, вцепившись в него побелевшими пальцами. Тщетно. Камни, словно сросшиеся с землёй, не поддавались. Михаил со злостью ударил кулаком по твёрдой поверхности и обессиленно прислонился лбом к холодному валуну. Пыль от его возни забивалась в нос, тяжелое дыхание со свистом вырывалось из груди.

– Бесплезно, – выдохнул он, поднимая глаза на друга. – Слишком тяжёлые.

– Миша! Я кое-что нашёл! – Леонид осторожно, чтобы не порвать, извлёк из-за пазухи пожелтевший свёрток. – Карту! Я нашёл карту в старой сумке.

Он развернул листы прямо на груде камней, подсвечивая себе фонариком. Михаил прильнул к щели между обломками, пытаясь разглядеть.

– Смотри, – Леонид водил пальцем по пожелтевшей бумаге. – Мы вот здесь. Ты справа, я слева. А этот завал, – он постучал по камню, на который опирался Михаил, – тут просто куча осыпавшейся породы, сквозной проход завален не до конца, но нам не пролезть. Но дальше! Смотри!

Михаил увидел, как палец Леонида прочертил линию по извилистым коридорам и упёрся в большое пустое пространство в центре схемы.

– Этот коридор, где стоишь ты, и мой – они идут параллельно, а метров через тридцать соединяются, а потом, если повернуть налево, и пройти вперёд, будет большой зал, там должна быть лестница! – голос Леонида звучал взволнованно и радостно. – Понимаешь? Мы не можем пройти здесь, но мы можем обойти! Впереди большой зал, куда впадают оба коридора. Там мы точно встретимся.

Михаил оторвал лоб от холодного камня. В глазах его, ещё секунду назад полных отчаяния, зажглась искра надежды.

– Ты уверен?

– Смотри сам! – Леонид прижал карту к камню, подсвечивая её. Михаил всмотрелся в линии. Действительно, два рукава, разделённые преградой, сходились в одном общем помещении, помеченном жирным крестом.

– Значит, идём дальше, – твёрдо сказал Михаил, отстраняясь от завала. Он посмотрел на друга сквозь мрак и пыль. – Встретимся в зале. Береги себя.

– Ты тоже, – сказал Леонид, и его голос звучал неуверенно.

Михаил шел по указанному маршруту, но с каждым шагом его охватывало все большее беспокойство. Он снова стал звать Леонида, но ответа не было. Вдруг он услышал крик, который эхом разнесся по коридорам. Это был голос Леонида.

Михаил звал друга, но ответа не было.

Внезапно он услышал рычание. Сердце его заколотилось, и он бросился бежать. Вскоре он наткнулся на открытое пространство, где увидел Леонида, стоящего перед чем-то огромным и темным.

– Леонид! – крикнул он, но было уже поздно. Его друг исчез в темноте, и только его крик эхом разнесся по катакомбам.

От испуга он побежал, не разбирая дороги, пока не наткнулся на развилку. Вспомнив слова друга, он свернул налево, но через несколько шагов остановился. На полу лежала окровавленная рука, сжимающая лист бумаги. Михаил почувствовал, как его сердце сжалось. Это была рука Леонида.

Всё замерло. Воздух стал густым и ледяным, словно сам подземный мрак сжал его горло. Сначала был только оглушительный, белый шок – отказ понимать. Потом волна леденящего ужаса, ударившая в живот и подкосившая ноги. Он рухнул на колени, и взгляд его, затуманенный, скользнул от знакомого шрама на костяшках пальцев к искажённой позе отсечённой конечности. И тогда, точно нож, пронзила душу простая, чудовищная истина: Леонида больше нет.

Из груди вырвался сдавленный стон. Мир сузился до этого кровавого пятна на камне. Перед глазами поплыли обрывки вчерашнего смеха, крепкое рукопожатие, голос, говоривший: «Держись, Миша». Теперь это был лишь холодный кусок плоти. Пустота, нахлынувшая вслед за осознанием, была страшнее любой твари, притаившейся во тьме. Она выедала всё изнутри, оставляя лишь ломкую скорлупу и щемящую, вселенскую тоску. Слезы текли по его грязным щекам беззвучно, без рыданий – будто душа истекала наружу через глаза.

Он опустился на колени, чтобы поднять лист. Это был план катакомб, на котором, кровью, Леонид отметил путь к выходу. Палец, дрожа, провёл по алым, ещё липким штрихам – последнему слову, последней мысли друга. Михаил почувствовал, как слезы наворачиваются на глаза, но он знал, что должен продолжать. Даже после смерти Леонид продолжал помогать ему.

И в этой мысли была и безмерная боль, и хрупкая опора. Леонид, умирая, думал о нём. Его смерть не была бессмысленной – она стала указующим знаком, картой из плоти и крови. Рывком рукава Михаил вытер лицо. Скорбь не ушла – она навсегда вросла в сердце холодным осколком. Но теперь к горю примешалась ясная, жёсткая решимость. Остаться здесь, поддаваться горю, значило предать его последний дар. В этой сырой могиле своего друга он не имел права на бездействие.

Стиснув зубы, он поднялся. Ладонь, сжимавшая окровавленный лист, больше не дрожала. Он посмотрел на путь, начертанный кровью Леонида, и сделал первый тяжёлый шаг вперёд – туда, где кончалась тьма.

Наконец, он добрался до большого зала, который был отмечен на плане, как место выхода наружу. Зал был огромным, с высоким потолком, покрытым трещинами. В центре стояла массивная металлическая лестница, которая, судя по всему, вела на поверхность. Но когда Михаил подошел ближе, его сердце упало. Путь перекрывала большая металлическая дверь, которая была обмотана толстой цепью, а на ней висело несколько больших советских замков, покрытых ржавчиной.

– Нет... – прошептал Михаил, дёргая цепи. Они не поддавались.

В этот момент за его спиной раздался медленный хлопок ладоней. Михаил резко обернулся, перед ним стоял человек в белом халате, который казался почти неестественно ярким в полумраке комнаты. Это был профессор Иванов. Его фигура, высокая и слегка сутулая, напоминала силуэт старого дерева, склонившегося под тяжестью времени. Лицо профессора было

бледным, почти прозрачным, будто он давно не видел солнечного света. Кожа, тонкая и натянутая, отливала легким сероватым оттенком, словно он был высечен из холодного мрамора.

Его черты лица казались резкими, угловатыми – высокие скулы, острый подбородок, тонкий нос с едва заметной горбинкой. Но больше всего привлекали внимание его глаза. Они были холодными, как ледяные осколки, пронзительными и безжалостными. Взгляд профессора был тяжелым, словно он видел не только то, что перед ним, но и то, что скрыто глубоко внутри, в самых потаенных уголках души. Эти глаза не выражали ни тепла, ни сострадания – только расчетливую, почти механическую холодность.

Волосы профессора, седые и редкие, были аккуратно зачесаны назад, подчеркивая высокий лоб, испещренный глубокими морщинами. Каждая из них казалась следом долгих лет размышлений, экспериментов и, возможно, чего-то более мрачного. Его губы, тонкие и бледные, были плотно сжаты, будто он привык держать свои мысли при себе, не позволяя ни единому слову вырваться без тщательного обдумывания.

Белый халат, который он носил, был безупречно чистым, но на его фоне фигура профессора казалась еще более призрачной, почти нереальной. Рукава халата слегка болтались на его худых руках, а из-под них виднелись длинные, тонкие пальцы, которые, казалось, были созданы для того, чтобы держать скальпель или перо, но уж точно не для теплого рукопожатия.

Профессор Иванов стоял неподвижно, словно статуя, и его присутствие наполняло комнату ощущением тяжести и некой необъяснимой угрозы. Казалось, что даже воздух вокруг него становился холоднее, а свет – тусклее. Он был человеком науки, но в его облике чувствовалось что-то древнее, почти мистическое, словно он знал то, что другим знать не положено.

– Поздравляю, – сказал профессор, продолжая хлопать. – Ты прошел почти до конца. Должен получиться хороший образец.

Михаил почувствовал, как по спине пробежала дрожь. Он сжал кулаки, готовясь к схватке.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он, стараясь звучать уверенно.

– Ты идеальный кандидат, – ответил профессор, делая шаг вперед. – Сильный, выносливый, умный. Оборотень нуждается в новом партнере, а ты... ты идеально подходишь.

Михаил отступил на шаг, но за его спиной была только запертая дверь. Он огляделся, ища что-то, что могло бы помочь ему в схватке. На полу лежал кусок металлической трубы. Он быстро наклонился и схватил его.

– Не подходи, – предупредил он, направляя трубу в сторону профессора.

Иванов только усмехнулся.

– Ты думаешь, это поможет? – спросил он, делая еще один шаг. – Ты уже в ловушке. И даже если ты победишь меня, ты не сможешь выбраться отсюда. Замки не открыть без ключей, а ключи... – он достал из кармана связку металлических ключей и покачал ими перед собой, – у меня.

Михаил почувствовал, как его охватывает ярость. Он бросился на профессора, размахивая трубой. Иванов отступил, но его лицо оставалось спокойным.

– Сила и ярость... – сказал он, уклоняясь от удара. – Именно это мне и нужно.

Михаил не слушал. Он продолжал атаковать, но профессор, несмотря на свой возраст, был удивительно ловким. Он уклонялся от ударов, словно знал каждый шаг Михаила заранее.

Внезапно из темноты раздался рык. Михаил остановился, почувствовав, как по спине пробежал холодок. Он обернулся и увидел огромную фигуру, приближающуюся к нему. Это был волколак – существо, внушающее одновременно ужас и восхищение. Его облик – это жуткий симбиоз волка и человека, воплощение дикой, необузданной силы природы. Он стоял на мощных задних лапах, его тело, покрытое густой, лохматой шерстью, казалось, было высечено из самой тьмы. Каждый мускул, каждое сухожилие подчеркивало его невероятную мощь, словно он был создан для разрушения и охоты. Его грудь, широкая и глубокая, поднималась и опускалась в такт тяжелому дыханию, а плечи, словно горы, возвышались над всем вокруг.

Голова волколака была огромной, с вытянутой мордой, увенчанной острыми, как кинжалы, клыками. Они сверкали во тьме, будто отполированные до блеска лезвия, готовые в любой момент вонзиться в плоть жертвы. Его глаза – два горящих зелёных угля, светились в темноте, излучая холодный, хищный блеск. В них читалась не только звериная ярость, но и нечто большее – древняя, почти разумная жестокость, словно он знал, что делает, и наслаждался каждым моментом своей свирепости.

Лапы волколака, с длинными, изогнутыми когтями, были способны разорвать даже самую прочную броню. Каждый его шаг сопровождался глухим стуком, словно земля содрогалась под его тяжестью. Его хвост, длинный и лохматый, нервно подергивался, будто отражая внутреннее напряжение, готовность к прыжку, к атаке.

Волколак был не просто зверем – он был воплощением ночи, тени, что крадет за спиной. Его рык, низкий и гулкий, разносился далеко вокруг, заставляя дрожать даже самых смелых. Это был голос самой тьмы, предупреждающий о том, что здесь, в этом месте, в этой ночи, он – хозяин. И никто, ни человек, ни зверь, не мог чувствовать себя в безопасности, пока он бродил в поисках новой жертвы. – Встречай своего нового друга, – сказал профессор, отступая в тень.

Михаил понял, что у него нет выбора. Он метнул трубу в сторону оборотня и бросился к двери. Он знал, что не сможет открыть ее, но надеялся, что найдет другой способ. Внезапно он заметил вентиляционную решетку в стене. Она была маленькой, но, возможно, он смог бы пролезть.

Он бросился к решетке и принялся выламывать её ржавые прутья. Оборотень приближался медленно, будто смакуя вкус предстоящей добычи, его рычание ощущалось все громче. Михаил работал быстро, но руки его дрожали. Наконец, решетка поддалась, и он втиснулся в узкий проход.

– Ты не уйдешь! – крикнул профессор, но его голос уже звучал далеко.

Михаил полз по вентиляции, не разбирая дороги. Он знал, что должен найти выход, иначе все, через что он прошел, будет напрасным.

Часть вторая

Лаборатория

Михаил полз по узкому вентиляционному тоннелю, едва сдерживая панику. За спиной он слышал рычание оборотня, которое постепенно стихало, но это не приносило облегчения. Воздух в вентиляции был спертым, а металлические стенки царапали его кожу. Он двигался вперед, не зная, куда приведет его этот путь.

Через несколько минут тоннель расширился, и Михаил оказался в небольшой комнате, которая, судя по всему, когда-то была частью системы вентиляции завода. На полу лежали старые инструменты и обрывки проводов. В углу он заметил дверь, частично прикрытую обломками.

Михаил подошел к двери и попытался открыть ее. Она поддавалась с трудом, но через щель он увидел коридор, освещенный тусклым светом. Он протиснулся внутрь и оказался в длинном проходе, стены которого были покрыты странными символами, похожими на те, что он видел раньше.

– Что за черт... – прошептал он, касаясь рукой стены. Символы были вырезаны в камне и покрыты чем-то, что напоминало высохшую кровь.

Он двинулся вперед, стараясь не шуметь. Вскоре он услышал голос. Он доносился из-за угла, и Михаил замедлил шаг, прижавшись к стене. Он осторожно выглянул и увидел профессора в белом халате, которые что-то обсуждал, сам с собой.

– Образец №97 снова вышел из-под контроля, – сказал он сам себе. – Профессор недоволен.

– Он никогда не бывает доволен, – ответил он также сам себе, но чуть изменившимся голосом. – Но, если этот новый кандидат выживет, возможно, мы наконец получим стабильный результат.

Михаил почувствовал, как по спине пробежала дрожь. Профессор говорил о нем. Миша отступил назад, стараясь не выдать своего присутствия, но в этот момент его нога наступила на что-то хрупкое. Раздался громкий треск.

– Кто там? – крикнул ученый.

Михаил бросился бежать. За его спиной раздался шаг, но он не оглядывался. Он свернул в первый попавшийся коридор и спрятался за углом, стараясь не дышать. Профессор прошел мимо, не заметив его.

Когда шаги стихли, Михаил вышел из укрытия и продолжил путь. Вскоре он наткнулся на дверь с табличкой, он осторожно приоткрыл дверь, которая, казалось, ждала его. Табличка «Лаборатория №3» висела чуть криво, будто её повесили в спешке или давно не поправляли. Щель между дверью и косяком была достаточно широкой, чтобы пропустить слабый, мерцаю-

щий свет, который лился изнутри, словно зовущий и одновременно предостерегающий. Воздух вокруг был наполнен тишиной, нарушаемой лишь едва уловимым гулом неизвестного происхождения.

Когда Михаил переступил порог, его обдало прохладой, смешанной с запахом металла, пыли и чего-то химического, резкого, но незнакомого. Комната была невелика, но казалась бесконечной из-за обилия странного оборудования, которое заполняло её до самого потолка. Пробирки, колбы, трубки, переплетённые словно паутина, устройства с непонятными циферблатами и рычагами – всё это создавало ощущение, будто он попал в логово алхимика или безумного учёного. Стеклообразные сосуды поблёскивали в тусклом свете, а тени от них танцевали на стенах, будто живые.

Михаил почувствовал, как его пульс участился. Любопытство, словно щекотка, пробежало по его спине. Он не мог оторвать взгляда от стола, заваленного бумагами. Они лежали в беспорядке, некоторые были исписаны мелким, неразборчивым почерком, другие – украшены схемами и формулами, которые он не мог понять. Он сделал шаг ближе, потом ещё один, ощущая, как волнение смешивается с лёгким страхом. Что это за место? Кто здесь работал? И почему всё выглядит так, будто лабораторию покинули в спешке?

Его пальцы дрогнули, когда он взял один из листов. Бумага была шершавой, а чернила местами выцвели, но он всё же попытался разобрать текст. В голове мелькали мысли: "А вдруг это что-то важное? А вдруг опасное?" Но любопытство пересиливало. Он чувствовал, как страх сжимает его горло, но одновременно что-то внутри него жаждало узнать больше, понять, что здесь происходит.

Михаил оглянулся, словно ожидая, что за ним кто-то наблюдает. Тени на стенах казались ближе, а тишина – громче. Он чувствовал опасность, но не мог остановиться. Комната манила его, словно обещая раскрыть тайну, которая, возможно, изменит всё. И, несмотря на страх, он знал, что должен идти дальше.

Это были записи о экспериментах. Он нашел упоминание о «Проекте Оборотень» и о том, что целью было создание гибрида человека и животного, обладающего сверхчеловеческой регенерацией. Но что-то пошло не так, и образцы начали выходить из-под контроля.

Михаил перелистал несколько страниц и наткнулся на имя: «Николай Иванов. Главный исследователь». Рядом была фотография профессора, но на ней он выглядел моложе и... счастливее.

– Так вот что он здесь делал, – прошептал Михаил.

Внезапно он услышал шаги за дверью. Михаил быстро спрятался за столом, как в комнату вошел профессор.

Михаил понимал, что каждая секунда, проведённая здесь, увеличивает риск быть обнаруженным. Его сердце бешено колотилось, словно пытаясь вырваться из груди, а в ушах стоял навязчивый звон, заглушающий даже собственные мысли. Он знал, что не может оставаться в этой комнате ни минуты дольше. Каждый взгляд учёного, каждый его шаг казались Михаилу предвестниками катастрофы.

Осторожно, почти не дыша, он приподнялся, стараясь не издать ни малейшего звука. Его ладони были влажными от пота, а каждая мышца напряжена до предела. Взгляд учёного, казалось, был прикован к столу, заваленному бумагами и странными приборами. Михаил видел, как тот что-то бормотал себе под нос, полностью погружённый в свои расчёты. Это был его шанс.

Секунда. Две. Михаил замер, чувствуя, как время будто замедлилось. Учёный повернулся к полке с книгами, спиной к двери. Это был момент, которого он ждал.

Словно тень, Михаил двинулся к выходу, каждый шаг давался ему с невероятным усилием. Казалось, что пол под ногами вот-вот скрипнет, выдавая его присутствие. Он чувствовал, как капли пота стекают по вискам, а дыхание, несмотря на все усилия, становилось всё громче.

"Ещё несколько шагов", – мысленно подбадривал он себя, но в голове уже рисовались страшные картины: учёный оборачивается, его глаза расширяются в удивлении, а затем – крик, погоня, провал...

Михаил уже почти добрался до двери, когда учёный вдруг кашлянул. Сердце Михаила ёкнуло, он замер, не смея даже пошевелиться. Время остановилось. Кашлянул ли он просто так? Или заметил что-то?

Но учёный не оборачивался. Михаил, собрав всю свою волю в кулак, сделал последний шаг и, наконец, оказался за дверью. Он не стал ждать, не стал оглядываться. Его ноги сами понесли его вперёд, по коридору, подальше от этой комнаты, от этого места, от этой угрозы.

Только когда он оказался дальше по коридору, от этой комнаты, холодный ветерок ударил ему в лицо, и он почувствовал, как напряжение начинает отпускать. Но расслабляться было рано. Он знал, что это только начало. И где-то в глубине души Михаил понимал, что в следующий раз ему может не повезти.

Пленница

Михаил, осторожно продвигаясь по узкому проходу катакомб, почувствовал, как воздух стал гуще, а стены, казалось, сжимались вокруг него. Его фонарь выхватывал из тьмы лишь фрагменты пространства, но внезапно луч света упёрся в нечто неожиданное – ещё одну комнату, скрытую в глубине подземелья.

Комната была небольшой, но её атмосфера сразу же вызвала у него тревогу. Стены, высеченные из грубого камня, местами покрывались мхом и влажными подтёками, которые блестели в свете фонаря. Пол был усыпан обломками камней и пылью, словно здесь давно не ступала нога человека. В центре комнаты, прикованная к полу ржавыми цепями, стояла массивная клетка. Её прутья, покрытые слоем ржавчины, местами были погнуты, будто кто-то или что-то пыталось вырваться наружу.

Но самое страшное ждало его внутри. В углу клетки, прижавшись к холодным прутьям, сидела девушка. Её худое, почти истощённое тело было завернуто в лохмотья, которые когда-то, возможно, были платьем. Кожа её была бледной, почти прозрачной, с синеватыми прожилками на руках и ногах. Волосы, спутанные и грязные, падали на лицо, но сквозь них можно

было разглядеть огромные, полные страха глаза. Они казались неестественно яркими на фоне её измождённого лица, словно в них осталась последняя искра жизни.

Её губы были сухими, потрескавшимися, а на щеках виднелись следы слёз, давно высохших. Руки, тонкие и хрупкие, сжимали колени, будто она пыталась защититься от невидимой угрозы. На её ногах виднелись следы от цепей, которые, казалось, долгое время сковывали её движения.

Воздух в комнате был тяжёлым, пропитанным запахом сырости, плесени и чего-то старого, забытого. Михаил почувствовал, как по спине пробежал холодок, когда его взгляд упал на странные царапины на стенах рядом с клеткой – глубокие, неровные, будто оставленные когтями.

Он замер, прислушиваясь к тишине, но кроме собственного дыхания и редких капель воды, падающих с потолка, ничего не услышал. Девушка медленно подняла голову, её глаза встретились с его взглядом. В них не было ни злобы, ни надежды – только глубокая, всепоглощающая усталость.

– Кто... кто ты? – прошептала она, её голос был хриплым, словно она давно не произносила ни слова.

Михаил почувствовал, как сердце его сжалось. Эта комната, эта клетка, эта девушка – всё это было частью какой-то мрачной тайны, которую он, казалось, не должен был обнаружить. Но теперь, глядя на неё, он понимал, что не может просто уйти.

– Ты... ты не один из них? – спросила она слабым голосом.

– Нет, – ответил Михаил, подходя ближе. – Я тоже пытаюсь выбраться отсюда.

Девушка представилась как Маша. Она рассказала, что ее похитили несколько дней назад и держали здесь для экспериментов. Михаил помог ей выбраться из клетки, и они решили действовать вместе.

– Я знаю, где находится выход, – сказала Маша. – Но нам нужно быть осторожными. Михаил, пытаясь разрядить обстановку, неудачно пошутил:

– Кстати, у нас в деревне корову тоже звали Маша. Она была очень вкусной. Маша посмотрела на него с недоумением, а затем фыркнула:

– Ну спасибо, теперь я чувствую себя просто прекрасно. Михаил смущенно улыбнулся:

– Прости, это была плохая шутка. Давай просто двигаться дальше.

Михаил и Маша двинулись вперед, следуя указаниям девушки. Но катакомбы были полны ловушек. Они наткнулись на тот коридор, где в полу был разлом, и на этот раз Михаил даже разглядел внутри ямы какую-то слизь, похожую на кисель.

Затем они услышали странный звук, похожий на шелест крыльев. Это были летучие мыши, но не обычные – их глаза светились в темноте, а размеры были неестественно большими. Михаил и Маша бросились бежать, пока не нашли укрытие.

– Что это было? – спросил Михаил, тяжело дыша.

– Один из экспериментов, – ответила Маша. – Он создает гибриды животных. И не только животных...

Она замолчала, словно вспоминая что-то важное.

– Я слышала, как ученый говорил об этом, – продолжила она. – Одна из этих летучих мышей вылетела на поверхность несколько лет назад. Они думают, что именно она стала причиной распространения вируса ковида.

– Ты серьезно? – спросил он. – Это значит, что все началось здесь?

Маша кивнула:

– Да. И если мы не остановим его, он создаст что-то еще, хуже.

Тайна профессора

Продвигаясь дальше, Михаил и Маша, внезапно наткнулись на комнату, и торопясь скрыться из жутких коридоров, вошли в нее. Она словно застыла во времени, будто её покинули в спешке, но при этом сохранили все следы прошлого. Воздух был густым, пропитанным запахом старой бумаги, хлорки и чего-то металлического, едва уловимого, но тревожащего. Свет от единственного окна на двери, затянутого плотной занавеской, едва пробивался внутрь, оставляя комнату в полумраке, который лишь подчеркивал её таинственность.

В центре стоял массивный деревянный стол, покрытый глубокими царапинами и следами чернил. Его поверхность была завалена бумагами, исписанными мелким почерком, и несколькими книгами с потрепанными корешками. На краю стола лежала папка с надписью: "Личные записи. Н. Иванов". Буквы были выведены аккуратно, но с годами слегка выцвели, словно тайна, которую они хранили, начинала понемногу выходить наружу.

Книжные полки, занимавшие почти всю стену, были заставлены массивными томами. Названия книг говорили о том, что здесь когда-то работал человек, увлеченный наукой: "Основы химии", "Анатомия человека", "Экспериментальная медицина". Некоторые книги были раскрыты, другие – заложены закладками, будто их владелец часто возвращался к ним в поисках ответов.

В углу комнаты стоял металлический стол, холодный и безжизненный. Его поверхность была покрыта следами царапин и пятнами, которые, казалось, не поддавались очистке. Рядом с ним стояла тележка, на которой лежали металлические инструменты: скальпели, зажимы, щипцы. Они были аккуратно разложены. На тележке лежала тряпка, когда-то белая, а теперь потемневшая от времени и, возможно, от чего-то ещё.

В центре комнаты, прямо над металлическим столом, висела большая лампа. Её холодный свет, если бы она была включена, наверняка осветил бы всё вокруг с хирургической точностью. Михаил сразу узнал её – такая же лампа была у его стоматолога. Она вызывала у него неприятные воспоминания, и теперь, в этой странной комнате, она казалась ещё более злоеющей.

У стены стояло кресло с потертой обивкой. Его подлокотники были исцарапаны, а на сиденье виднелись вмятины, будто кто-то провел в нем долгие часы. Рядом с креслом стоял небольшой столик, на котором была пустая бутылка из-под чернил и пустая тарелка.

Мария замерла на пороге, её глаза широко раскрылись, а губы слегка дрожали. Она чувствовала, как по спине пробежали мурашки. Эта комната была словно портал в другое время, в другую реальность. Её взгляд скользнул по металлическому столу, и она невольно представила, что могло здесь происходить. Её сердце забилося чаще, а руки сжались в кулаки.

Михаил, напротив, чувствовал себя странно спокойно, но это спокойствие было обманчивым. Его взгляд был прикован к лампе, и он не мог отделаться от ощущения, что она следит за ним. Он подошел к столу и взял папку с надписью. Его пальцы слегка дрожали, когда он открыл её. Внутри были листы, исписанные тем же мелким почерком, что и на обложке. Он хотел прочитать, но что-то внутри него остановило. Он почувствовал, как будто комната сжимается вокруг него, а воздух становится тяжелее.

Комната дышала тайной. Каждый предмет здесь казался частью какой-то большой загадки, которую они едва ли смогут разгадать. Тишина была настолько гнетущей, что даже звук их дыхания казался громким. Пыль, с их одежды, теперь витающая в воздухе, медленно оседала на удивительно чистую поверхность пола и предметов в ней, словно сама комната хотела скрыть свои секреты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.